

Алла Краско

ТРИ ВЕКА
ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ
ГРАФОВ
ШЕРЕМЕТЕВЫХ

Люди и события

Алла Краско

**Три века городской усадьбы
графов Шереметевых.
Люди и события**

«Центрполиграф»

2009

Краско А. В.

Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события
/ А. В. Краско — «Центрполиграф», 2009

ISBN 978-5-9524-4363-1

Книга посвящена представителям одного из самых древних и именитых русских родов – Шереметевым. В ней обстоятельно и захватывающе интересно повествуется о значительном и многогранном вкладе этой семьи в государственную и культурную жизнь России. Рассказано здесь об истории появления родовой усадьбы на берегу Фонтанки в Санкт-Петербурге, а также о том, что происходило с домом Шереметевых на протяжении трех веков его существования.

ISBN 978-5-9524-4363-1

© Краско А. В., 2009
© Центрполиграф, 2009

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	8
Глава вторая	21
Служба	23
Фонтанный дом	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алла Владимировна Краско

Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие

Герои этой книги – владельцы и обитатели старинного петербургского дома на набережной реки Фонтанки, 34. Он стоит за великолепной оградой в глубине просторного парадного двора в окружении многочисленных флигелей и построек. Позади дома сохранился старый тенистый сад. Это – Шереметевский дворец, или, как его называли в XVIII веке, Фонтанный дом. Среди окружающих его сооружений он выделяется особой торжественностью и нарядностью своего архитектурного облика. Этот дом являлся центром бывшей обширной усадьбы. Сохранность его в условиях стремительно растущего и меняющегося большого города, каким стал Петербург – большая редкость.

Летом 2012 года усадьба на Фонтанке отметит 300 лет со дня рождения. Она всего на девять лет младше Санкт-Петербурга.

С 1994 года в главном здании работает Музей музыки – филиал Государственного музея театрального и музыкального искусства. Несколькими годами раньше, в 1989 году, в южном флигеле усадьбы открылся Музей Анны Ахматовой, которая жила здесь с 1926 по 1952 год.

За три века существования усадьбы здесь жили или бывали известные люди и происходило множество интересных событий.

Петербургский Фонтанный дом уникален – мало в городе частных владений, более двухсот лет находившихся в собственности одной семьи. Под крышей этого дома жили несколько поколений рода графов Шереметевых, пожалуй, самого знаменитого рода России.

Шереметевы ведут свою историю с середины XIV века – по крайней мере, с того времени сведения о представителях рода сохранились в документах. Согласно легенде, их предок по имени Гланда Камбилла, происходивший из владетельного рода, прибыл на службу московскому великому князю Василию Ивановичу «из прусс». Действительно, в Средневековье на русскую службу поступало множество иностранцев, в том числе и знатного происхождения.

Вероятно, по созвучию имя и фамилия его трансформировались на русский манер: Гланда превратился в Андрея (даже с отчеством Иванович), а Камбилла – в Кобылу. Боярин Андрей Кобыла действительно упоминается в русских летописях под 1347 годом. От его пяти сыновей пошло большое потомство – более 20 родов. Многие потомки Кобылы («Кобыличи») хорошо известны в отечественной истории – Романовы, Шереметевы, Сухово-Кобылины, Колычевы, Епанчины, Боборыкины и др.

Шереметевы уже в XVI – XVII веках занимали видное положение в Московском государстве, служили боярами окольничими, воеводами, получали в награду большие поместья и вотчины. В 1613 году боярин Федор Иванович Шереметев сыграл ключевую роль в избрании на царство Михаила Федоровича Романова. В царствование Петра I одним из самых видных его сподвижников стал Борис Петрович Шереметев, боярин, воевода, с 1702 года – фельдмаршал. В 1706 году царь пожаловал ему первый в России графский титул. Он и стал основателем

петербургской усадьбы на реке Фонтанке. В 1712 году ему был дан участок для строительства загородной усадьбы. Его потомки владели усадьбой до 1917 года.

Все они, начиная от фельдмаршала и до его праправнука графа Сергея Дмитриевича Шереметева, видного общественного и научного деятеля предреволюционной поры, были заметными фигурами в российской истории. Память о графах Шереметевых всегда сохранялась в нашей истории, о них написаны многочисленные книги и статьи, сняты фильмы. Они создали такую широкую известность своему петербургскому дому, что и до сегодняшнего дня он сохранил родовое имя – Шереметевский дворец.

Первые пять глав книги рассказывают о судьбах пяти владельцев Фонтанного дома, потому что именно они определяли, кто и что будет здесь строить, что покупать для украшения интерьеров, какие картины и книги собирать, каких гостей приглашать... Следующие главы посвящены рассказу о том, как стараниями многих людей, тех, кто понимал его историческую и культурную ценность, дом спасли от гибели после Октябрьского переворота.

Шереметевы никогда не называли свой дом дворцом, потому что в их представлении во дворцах жили лишь коронованные особы, а они, Шереметевы, жили *в доме*.

«Фонтанный мой дом» – так называл его граф Петр Борисович Шереметев, в середине XVIII столетия построивший ныне существующее главное здание. Впоследствии это название утвердилось за всей усадьбой.

Рядом с хозяевами в доме жили их многочисленные слуги, среди которых было немало талантливых и незаурядных людей, которые также вошли в историю благодаря своим трудам. В Фонтанном доме бывали именитые гости: члены императорской фамилии, государственные деятели, ученые, художники, литераторы, музыканты, люди церкви, иностранные дипломаты. Многие именитые горожане в середине XIX века стремились получить приглашение на службу в домовую церковь Святой Великомученицы Варвары, чтобы послушать пение шереметевской хоровой капеллы.

При последнем владельце, графе Сергее Дмитриевиче, здесь в течение четверти века работало Императорское общество древней письменности, основанное в доме графов Шереметевых в 1877 году. На его заседаниях регулярно общались видные деятели науки, культуры и церкви, в музее общества хранилось уникальное собрание письменных памятников национальной культуры.

В качестве приложения в книге есть две главы, посвященные представителям графской семьи, тесно связанным с Фонтанным домом. Здесь родился и провел детские годы Александр Дмитриевич Шереметев – единокровный брат последнего владельца графа Сергея Дмитриевича. Для детей и внуков последнего владельца этот дом также был родным гнездом.

Дом Шереметевых оставался в центре общественного внимания и после Октябрьского переворота 1917 года. В 1918 году он был национализирован, и с этого времени им распоряжается и охраняет его как памятник архитектуры государство. С 1919 по 1929 год в главном доме работал Музей быта, здесь оставались почти все семейные реликвии, художественные и исторические коллекции, библиотека, уникальный родовой архив, многие бытовые вещи. На смену Музею быта, закрытому по идеологическим причинам, пришел Дом занимательной науки, его наверняка помнят ленинградцы старшего поколения.

После событий 1917 года власти неоднократно «вселяли» сюда разных временных хозяев. Сорок лет здесь работал Институт Арктики и Антарктики, его ученые решали важнейшие народно-хозяйственные и оборонные задачи. Для эффективной работы им разрешили частичные перестройки и перепланировки, в результате чего оказались сильно поврежденными некоторые интерьеры, созданные в свое время по проектам видных зодчих: Ивана Старова, Джакомо Кваренги, Иеронима Корсини. Дворец стал «режимным объектом» и, соответственно, был практически неизвестен горожанам послевоенных поколений.

В конце 1980-х годов для Института выстроили новое, более приспособленное здание, на Васильевском острове. Городские власти решили вернуть Шереметевский дворец в культурную жизнь города. Началось планомерное научное изучение всех построек усадьбы, сада, изучение истории семьи владельцев дворца, их художественных и исторических коллекций. Государство стало выделять средства на реставрацию дворцовых интерьеров.

В 1990 году состоялось решение о передаче дворца Государственному музею театрального и музыкального искусства для создания в нем Музея музыки. Начались масштабные реставрационные работы, они продолжаются до сего дня. Научные сотрудники музея стали разрабатывать планы будущих музейных экспозиций. Особая глава книги посвящена рассказу о том, с каким трудом возрождался Шереметевский дворец в непростые для России 1990-е годы, о том, как музей живет сегодня.

Для нашего города дом на набережной Фонтанки, 34, был, есть и останется Шереметевским домом, свидетелем многих эпох и событий, хранителем семейных тайн. Те люди, которые ныне работают в этом доме-музее, петербургские музыканты, музицирующие в Белом зале, экскурсанты и слушатели концертов в один голос утверждают, что здесь тепло и уютно, несмотря на понесенные домом потери.

Эта книга написана в результате почти тридцатилетнего изучения всех этапов истории Фонтанного дома – от его создания до наших дней. Здесь нет ни одного придуманного сюжета. Основа книги – многие тысячи документов шереметевских архивов, хранящихся ныне в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), архивов КГИОП Санкт-Петербурга, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки и Российской государственной библиотеки, в архивах Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, московских музеев-усадьб Кусково и Останкино. Документы по истории рода Шереметевых и их владений имеются и в других архивохранилищах нашей страны.

О роде Шереметевых и, в том числе, об их главной столичной резиденции, как в прошлом, так и последние два десятилетия, писали многие историки, искусствоведы, публицисты. Огромную ценность представляют опубликованные графом С.Д. Шереметевым сборники документов из родового архива «Отголоски XVIII века», «Столетние отголоски», его мемуары «Домашняя старина» и «Воспоминания о службах в нашей домово́й церкви», исторические труды, написанные им и его сыном графом П.С. Шереметевым. О Шереметевых писали многие мемуаристы, как русские, так и зарубежные, начиная с времен Средневековья.

За годы работы над историей Фонтанного дома автору посчастливилось познакомиться с членами рода графов Шереметевых и их родственниками, ныне живущими в Москве, США, Франции, Греции, Италии, Марокко. Состоялись интересные встречи с ленинградцами – участниками событий, происходивших в Шереметевском дворце в довоенные и послевоенные годы. Автор является свидетелем и непосредственным участником непростого дела возрождения Фонтанного дома, происходившего в течение последних двух десятилетий.

Глава первая

Граф Борис Петрович Шереметев (1652 – 1719)

Основателем этой замечательной петербургской усадьбы был фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, один из самых известных сподвижников императора Петра Великого. Она сохранилась до наших дней практически в первоначальных своих границах и летом 2012 года отметит свое трехсотлетие.

Еще в XVIII веке за ней закрепилось название Фонтанный дом – по месту расположения на берегу реки Фонтанки.

История Фонтанного дома началась, если строго следовать документу, 27 июля 1712 года. Этой датой помечена выданная фельдмаршалу из Санкт-Петербургской Городовой канцелярии «Данная» на право владения землей. Графу Шереметеву отводился участок земли по берегу речки Безымянный Ерик «от двора стряпчего Ивана Аверкиева до двора господина Путятина мерой поперечнику 75 сажень, а длиннику 50 сажень», на котором хозяину надлежало в кратчайшие сроки возвести «хоромное строение». Сравнительно недалеко, у истока Фонтанки, находился Летний сад самого царя. Рядом с участком Шереметева, ближе к Невской перспективе, располагался участок, отведенный Екатерине Алексеевне, его супруге. К северу от фельдмаршальского участка, напротив Летнего сада, возникла Хамовная слобода, где жили переведенные из Москвы ткачи, в слободе построили церковь святых праведных Симеония и Анны.

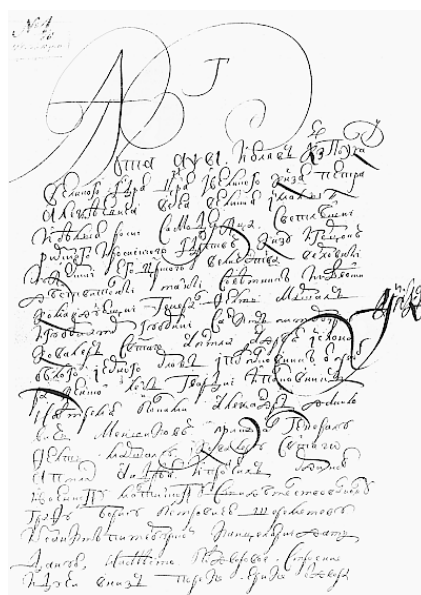
Эта «Данная» – не уникальный или даже необычный документ. Летом 1712 года, вскоре после того, как в Петербург фактически была перенесена столица государства, Петр I распорядился предпринять меры для скорейшей его застройки. Выполнили межевание земель в ближайших окрестностях молодого города, и многие царедворцы из ближайшего окружения Петра, дворяне и люди «разных чинов», служившие в Адмиралтейской и Полицмейстерской канцеляриях, получили участки для строительства домов по рекам Мье (Мойке) и Безымянному Ерику (Фонтанке).

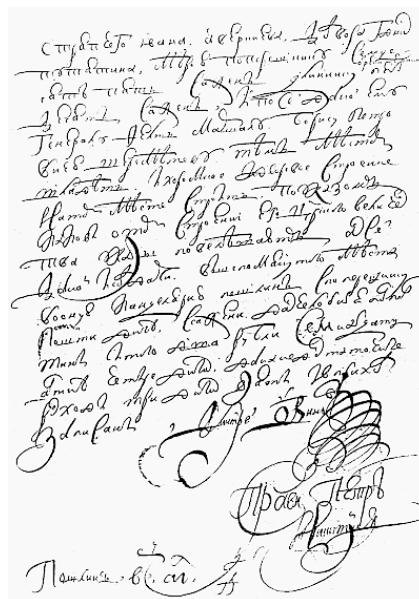

Фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев

На государственной службе в это время состояло семеро Шереметевых, и шестеро из них оказались в числе первых петербуржцев. То были сам фельдмаршал, его сын от первого брака полковник граф Михаил Борисович Шереметев (1672 – 1714), три родные брата фельдмаршала – боярин Федор Петрович, полковник Василий Петрович (1659 – 1733) и бригадир Владимир Петрович (1668 – 1737) Шереметевы. Братья фельдмаршала не имели права на графский титул, пожалованный в 1706 году лишь Борису Петровичу Шереметеву и его потомкам. Кроме родных братьев фельдмаршала на службе состояли сыновья его троюродного брата – морского флота поручик Алексей Петрович (умер в 1723 году) и действительный статский советник Иван Петрович (1689 – 1735) Шереметевы.

Петр I, желавший отстроить новый город как можно скорее, ввел исключительные меры, облегчавшие решение этой задачи. Было запрещено каменное строительство по всей стране и введена практика строительства жилых домов по «образцовым» (типовым) проектам. Однако все расходы по строительству несли сами владельцы отведенных участков, строительство оказалось делом недешевым и вызывало их неудовольствие. Нередко указы не торопились исполнять, тем более что многие владельцы участков находились по служебной надобности вне Петербурга или ссылались на то, что получали для застройки не один участок. Так, фельдмаршал Шереметев сперва получил участок на «Первой линии на Большой Неве против Канец». Эта улица, проходившая примерно по трассе современной Шпалерной, соединяла ядро городской застройки вокруг Адмиралтейской верфи на левом берегу Невы со Смоляным двором и в первые годы существования города считалась едва ли не главной.

Боярину Федору Петровичу Шереметеву выделили участок на Большой Дворянской улице на Петербургской стороне, где под защитой крепости строились первые городские дома. Василию Петровичу Шереметеву в декабре 1712 года вручается «данная» «на порозжую землю по Первой линии на Большой Неве против Канец», там же получили землю Владимир Петрович Шереметев и сын фельдмаршала граф Михаил Борисович. Служивший по Адмиралтейству и в Сенате Иван Петрович Шереметев имел двор на Адмиралтейском острове, на месте которого архитектор Кваренги возведет в начале XIX века Английскую церковь (Английская набережная, 56).

Однако до наших дней от первых Шереметевых-петербуржцев сохранилось лишь одно сооружение – Фонтанный дом.

Сам фельдмаршал Шереметев практически не имел возможности лично заниматься управлением собственными имениями или вникать в дела строительства в своих владениях. Более полувека, начиная с 13 лет и почти до самой смерти, он служил государю и Отечеству и не принадлежал себе.

Служба была обязанностью и главным источником доходов дворянского сословия. Молодые дворяне обычно начинали службу в возрасте 15 – 16 лет и завершали ее, когда по преклонным годам или «за ранами и болезнями» получали отставку. Этим объясняются и поздние браки многих дворян, и большая зависимость помещика, не имевшего возможности «доглядывать» за собственными имениями, от своих управляющих.

Жизненный путь первого владельца усадьбы на Фонтанке типичен для своего времени. Борис Шереметев родился в апреле 1652 года в Москве. Его отцом был боярин и воевода Петр Васильевич Большой-Шереметев, видный военный деятель середины XVII века. Мать будущего фельдмаршала, Анна Федоровна Волинская, происходила из древнего боярского рода, ведущего свою родословную от героя Куликовской битвы князя Боброк-Волинского. Борис – старший сын в семействе, после него родились Иван, Федор, Василий и Владимир, они, кроме рано умершего Ивана, повзрослев, также занимали видное положение во властных кругах.

С детских лет Борис Шереметев был знаком с элементами западной культуры и образа жизни. Его отец служил на западных и юго-западных рубежах Московского государства – с 1654 года «в литовских походах» (во время войны с Речью Посполитой), в 1658 году «послан Великим послом в Вильну на мирный съезд с титулом Наместника смоленского», в 1666 – 1668 годах состоял полковым воеводой в Малороссии, воевал против бунтующих казаков, за что «он и бывшие с ним дети пожалованы соболями».

Возможно, в юности Борис Шереметев учился в Киевской коллегии (потом академии). Он знал латынь, мог объясняться на польском языке. Именно через Киев происходили первоначально европеизация Московского государства и приобщение молодого поколения «москвитов» к европейской культуре.

В 1665 году, 13 лет от роду, он начал служить в должности комнатного стольника и первые десять лет оставался на придворной службе при царе Алексее Михайловиче. Документы сохранили некоторые сведения о том, в чем именно состояли его обязанности. Он «состоял при посольствах у трона рындюю по внешним качествам тела его», сопровождал царя в поездках на богомолье по монастырям и т. д.

Борис Шереметев женился в возрасте 17 лет. Он взял в жены Авдотью (Евдокию) Алексеевну Чирикову, дочь стольника Алексея Пантелеевича Чирикова и его жены Федосьи Павловны. Она – единственная дочь своих родителей, и выходила замуж с богатым приданым. В 7-м томе труда А.П. Барсукова «Род Шереметевых» опубликована створная грамота стольника Б.П. Шереметева, составленная 19 сентября 1669 года. В ней перечислено приданое невесты: прожиточное ее поместье село Киреевское с деревнями в Алатырском уезде и родовая вотчина село Панины Пруды с деревнями в Рязанском уезде, а также вещей на 4 тысячи рублей.

По случаю обзаведения собственной семьей Борису Шереметеву пожалован царский подарок – получил 200 дворов в селе Молодой Туд в Ржевском уезде и 4 тысячи рублей. С этого он и начал «собирать дом свой», превратившись в конце жизни в крупного помещика. Однако, будучи постоянно занятым службой, он вынужденно доверял управление своими «деревнями» домовою канцелярии, управителям и старостам.

Евдокия Алексеевна Шереметева родила в 1671 году дочь Софью, в 1672 году – сына и наследника Михаила, а в 1673 году еще одну дочь – Анну. Скончалась она около 1697 года.

Наивысших успехов в карьере и известности Б.П. Шереметев достиг именно как военачальник. В 1679 году он получил назначение быть товарищем (помощником) воеводы в Большой полк. В 1681 году в должности воеводы и тамбовского наместника командовал войском в походе против крымских татар. В июле 1682 года, при вступлении на престол царей Иоанна и Петра Алексеевичей, Шереметев получил высший чин, которого мог удостоиться служилый дворянин – пожалован в бояре. Ему исполнилось тогда тридцать лет. Этот чин открывал возможность участвовать в управлении государством – заседать в Боярской думе, выполнять самые ответственные поручения как на военном, так и на дипломатическом поприщах. В 1684 – 1686 годах Шереметев участвовал в переговорах и заключении «Вечного мира» с Польшей и за успешное ведение дел получил звание «ближнего боярина и наместника Вятского». Он получил еще особую памятную награду от царей Ивана и Петра – «кубок золоченый серебряный весом в 6 фунтов». С конца 1686 года он руководил в Белгороде войсками, охранявшими южные границы государства, в 1687 и 1689 годах участвовал в Крымских походах. В это время на пустопорожних землях он «построил» села Борисовку и Поношевку (ныне они – в Белгородской области), переведя сюда своих крестьян из имений в Центральной России.

После падения царевны Софьи боярин Борис Шереметев присоединился к сторонникам молодого царя Петра Алексеевича. Во время азовских походов в 1695 и 1696 годах он командовал армией, действовавшей на Днепре против крымских татар, и одержал здесь свои первые громкие победы.

В июне 1697 года ближний боярин Шереметев отправился в путешествие в Польшу, Австрию, Италию и на остров Мальту, частично по собственной инициативе, частично имея негласные дипломатические поручения от правительства. Он уехал спустя три месяца после отъезда из Москвы Великого посольства во главе с царем, который надеялся найти в Европе союзников для борьбы с турками. В указе, полученном Шереметевым, цель его поездки была сформулирована обтекаемо: «...Ради видения окрестных стран и государств и в них мореходных противу неприятелей креста святого военных поведений, которые обретаются во Италии

даже до Рима и до Мальтийского острова, где пребывают славные в воинстве кавалеры». Между строк и здесь читается задача поиска союзников, тем более что Борис Петрович уже обладал некоторым дипломатическим опытом и был знаком с правилами и обычаями Запада.

Его сопровождала группа молодых дворян, в том числе его младшие братья Василий Петрович и Владимир Петрович.

Во время этого путешествия православного русского боярина принял глава католической церкви папа римский, он встречался с австрийским императором Леопольдом, который «говорил с боярином много тайно», с европейскими политиками и аристократами. Борис Петрович имел дружелюбный и общительный характер, знал иностранные языки и умел вести себя в соответствии с правилами, принятыми при европейских дворах.

На острове Мальта его первого из русских посвятили в рыцари древнего военно-монашеского ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Это нарушало принятые в Ордене правила – Шереметев был женат и крещен по православному обряду. Грамота о принятии его в ряды мальтийских рыцарей, написанная на пергаменте по латыни и богато декорированная, хранилась в домовом архиве в Фонтанном доме, а ныне находится в Российском государственном историческом архиве. Члены Ордена в качестве отличительного знака носили на цепи белый четырехконечный эмалевый крест. Получил такой крест и Борис Шереметев, и на всех его портретах этот крест присутствует наряду с «кавалерией», полученной позже за военные победы. Принадлежность к Ордену льстила его самолюбию, приближала его к европейской аристократии. И он, плоть от плоти старомосковской боярской аристократии, превратился в человека новой культуры, став верным соратником Петра I.

Домой он вернулся в феврале 1699 года, накануне большой войны со Швецией. В годы Северной войны против Швеции особенно ярко раскрылись его патриотизм и талант полководца. Шереметев принимал участие в этой войне с первых ее сражений.

В 1700 году в бою под Нарвой он командовал дворянской конницей. Русская армия потерпела тогда сокрушительное поражение. Но в декабре 1701 года именно Шереметев со своими войсками принес России первую победу над шведами у деревни Эрестфер, за что получил орден Святого апостола Андрея Первозванного и чин фельдмаршала. Продолжая действовать против войск Шлиппенбаха, он одержал еще более крупную победу над ним под Гуммельсгофом в июле 1702 года. В продолжение двухмесячного похода удалось захватить крепости Мензу и Мариенбург. При взятии Мариенбурга в числе пленных оказалась и Марта Скавронская (будущая супруга Петра I, затем императрица Екатерина I). В сентябре полководец с войском вернулся в Псков, он привел с собой множество пленных вражеских солдат и офицеров, а в обозе – 51 орудие и 26 шведских знамен. По поводу побед Шереметева в Прибалтике Петр I писал Ф.М. Апраксину: «Борис Петрович в Лифляндии гостил изрядно; взял городов нарочитых два, да малых шесть, полонил 12 000 душ, не считая служивых...»

Осенью, двинувшись к устью Невы, его войска овладели крепостью Нотебург. Петр переименовал Нотебург в Шлиссельбург («Ключ-город») и отпраздновал его взятие торжественным парадом войск через триумфальные ворота в Москве. А в следующем году были взяты Ниеншанц, Копорье, Ямбург и Везенбург. Таким образом, в 1703 году войска под командованием фельдмаршала завоевали землю древней Ингрии с выходом к Балтийскому морю. На этих землях вырос город Санкт-Петербург.

В 1706 году фельдмаршал был отправлен на усмирение стрелецкого бунта в Астрахани. По возвращении он удостоился от Петра I первого в России графского титула, его сын граф Михаил Борисович получил чин полковника. Кроме того, в награду он получил село Вошажниково, Юхотскую волость в Ярославской губернии и денежное жалованье – 9 тысяч рублей в год.

По приказу Петра фельдмаршал снова вернулся в действующую армию. В 1708 году он одержал победу при деревне Лесной и получил в награду села Константиново и Островец в Московском уезде, прежде принадлежавшие Новоспасскому монастырю.

Он был назначен главнокомандующим в генеральном сражении со шведами, состоявшемся при Полтаве 27 июня 1709 года. Славу победителей разделили с Шереметевым участвовавшие в этом сражении сам царь и Меншиков, однако потомки помнили и помнят о роли фельдмаршала Шереметева в этом важнейшем сражении Северной войны. А.С. Пушкин в поэме «Полтава» увековечил имена всех главных действующих лиц Полтавского сражения. Фельдмаршал Шереметев был удостоен эпитета «благородный», а Меншиков, наоборот, у Пушкина «...счастья баловень безродный, полудержавный властелин...». Наградой Борису Петровичу за это сражение стало село Черная Грязь в Московском уезде.

Художник И.П. Аргунов. Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев

4 июля 1710 года русские войска под командованием фельдмаршала Шереметева взяли Ригу. 12 июня 1710 года он торжественно въехал в город во главе русских войск, граждане Риги поднесли ему два символических золотых ключа, каждый весом три фунта, как символ владения городом. По особому разрешению Петра I они хранились в семье фельдмаршала, последние полвека перед революцией один из них – в Фонтанном доме.

Однако награда за эту победу от царя задерживалась, и граф Шереметев напомнил о себе письмом к Петру I.

«1711 года августа 1. Низайшим моим прошением о милости я смелость беру Вашего Императорскаго Величества обременить, как я изрядным управлением счастливаго Вашего Императорскаго Величества оружия, как в самых действиях, так и прочие выгоды Вашего Императорскаго Величества, с помощью Божиею наблюдал, а теперь во всей преданности прошу Вашего Императорскаго Величества, дабы благоволили, хотя и не за услуги мои, но из милости Вашей, меня пожаловать лицентным домом, что в Риге, и лежащую в Лифляндии старостию Пебалг, со всеми к ней принадлежащими деревнями, како и другие получали, дабы я при глубокой своей старости, чем увеселиться мог. Вашего Императорскаго Величества всеподданнейший раб Борис Шереметев». На прошении рукою Государя написано: «Петр. 1 августа 1711 года». Копия этого документа хранилась в родовом архиве в Фонтанном доме. Через некоторое время Борис Петрович действительно получил дом в Риге и мызу Пебалг, остававшиеся во владении его потомков вплоть до XX века.

В 1711 году русская армия совершила неудачный поход против турок, союзников Швеции, и потерпела поражение на реке Прут. В этом походе участвовали и царь, и фельдмаршал. Для последнего военная неудача соединилась с неприятным событием личного характера. Для заключения мирного договора с Турцией в Константинополь отправились русские послы, в числе которых был старший сын, полковник граф Михаил Борисович Шереметев. Послы находились фактически на положении заложников и провели в турецкой крепости около трех лет.

Усталый и больной фельдмаршал Шереметев просил у Петра I уволить его в отставку и даже строил планы удалиться в монастырь. Много лет он находился в непрерывных походах – из Лифляндии он шел в Польшу, потом в Астрахань, потом снова в Польшу, затем под Полтаву, оттуда опять в Лифляндию, на Дунай, в Польшу, на Украину...

Художник И.П. Аргунов. Графиня Анна Петровна Шереметева

Однако в конце февраля 1712 года Петр вызвал фельдмаршала в Петербург. 14 апреля 1712 года он въехал в город, и в признание его заслуг перед государством его торжественно встречал сам царь с большой свитой. Вместо того, чтобы испросить отставку и удалиться в монастырь, 18 мая 1712 года в Петербурге 60-летний фельдмаршал женился на 25-летней вдове Анне Петровне Нарышкиной, урожденной Салтыковой. Первым браком она была за родным дядей Петра I Львом Кирилловичем Нарышкиным, скончавшимся в 1705 году, и имела от первого мужа дочь Анну. Почти два месяца фельдмаршал отдыхал, 27 июня участвовал в праздновании годовщины Полтавской победы, осматривал строящийся город. Английский посланник при русском дворе лорд Витворт, описывая в донесении к своему правительству торжества в новой столице и главных персон, окружавших царя, писал о графе Борисе Петровиче: «Он самый важный человек своей страны и весьма научившийся вследствие своих путешествий... Он в своей обстановке и образе великолепен. Солдаты чрезвычайно любят его, и народ почти обожает его. Он наслаждается здоровой старостью свыше 60 лет, хорошим сложением и... личной доблестью».

Может быть, он сам и присмотрел тогда участок на берегу реки Безымянный Ерик для своего «загородного двора». Историк архитектуры Н.Е. Лансере еще в 1920-х годах высказал не лишнее логики предположение, что «Данная» на участок датирована 27 июня, днем празднования годовщины Полтавского сражения, и что в документ, копия с которого хранилась в Фонтанном доме (в настоящее время – в архиве), могла вкрасуться элементарная ошибка.

Фельдмаршал покинул Петербург 10 июля и вместе с молодой супругой отбыл на театр военных действий, на Украину. Больше побывать при жизни в Петербурге ему не довелось. Стало быть, и строений, возводившихся на отведенных ему участках на Васильевском острове и на Фонтанке, он не видел.

В 1712 – 1713 годах фельдмаршал Шереметев командовал войсками на Украине, прикрывая южные рубежи России, находился со своим штабом то в Лубнах, то в Прилуках, то в Киеве. В феврале 1713 года у него родился сын, граф Петр, а через полтора года, в сентябре 1714 года, по дороге из Константинополя в Киев к отцу скончался его старший сын граф Михаил Борисович, отпущенный турками из плена. Это был страшный удар для пожилого и усталого отца.

Однако война со Швецией продолжалась, и по соглашению между Россией и ее союзниками Данией и Пруссией в 1715 году войска под командованием фельдмаршала Шереметева отправились в Померанию и Мекленбург. В конце октября 1717 года он получил от царя приказ возвращаться с войском в Россию, а ему самому дозволялось ехать в Москву.

К этому времени тяжелая форма «водяной болезни» окончательно сломила силы полководца, и он, с разрешения царя, хотел ехать лечиться «на воды». Но сил не осталось даже и на такое путешествие.

В июне 1718 года фельдмаршал Шереметев, среди других высших военных и гражданских чинов государства, введен в состав Верховного суда, который должен был судить царевича Алексея Петровича за антигосударственный заговор и бегство за границу. Он отказался приехать в Петербург, сославшись на нездоровье.

Обвинительный приговор царевичу подписали 127 чело век, в числе первых подписавших были светлейший князь Меншиков, генерал-адмирал граф Апраксин, канцлер-граф Головкин, тайный советник князь Яков Долгорукий. Из самых видных приближенных Петра не подписал приговор только фельдмаршал Шереметев. Известный историк князь М.М. Щербатов позже утверждал, будто фельдмаршал объявил: «Рожден служить своему государю, а не кровь его судить». Другой же историк, И.И. Голиков, настаивал, что Шереметев действительно был болен и не мог прибыть в столицу. Письма фельдмаршала тех дней из Москвы в Петербург к царю, князю Меншикову, графу Апраксину, приведенные в монографии историка А.И. Заозерского «Фельдмаршал Шереметев», позволяют считать, что вряд ли это была фронда.

Словно предчувствуя скорую кончину, фельдмаршал торопился завершить собственные имущественные дела и распределить имения между членами своего большого семейства. Четвертую часть имущества он «выделил» графине Евдокии Григорьевне, вдове сына Михаила, с ее детьми.

От второго брака с Анной Петровной у фельдмаршала было пятеро детей. Как уже упоминалось выше, 26 февраля 1713 года в Прилуках, на театре военных действий, родился его первый сын Петр. Через одиннадцать месяцев, 17 января 1714 года, родилась дочь Наталья. Второй сын, Сергей-Август, родился в Польше, в Межеричах, 10 октября 1715 года, и восприемником при крещении его стал польский король, отсюда и двойное имя мальчика. Это необычный факт – ребенка православных родителей крестил глава католического государства, что, безусловно, было вызвано политическими причинами и символизировало союз между государствами.

4 сентября 1716 года также за границей родилась дочь Вера, а 2 ноября 1717 года, за четыре месяца до смерти отца, в Москве родилась самая младшая дочь Екатерина.

Завещание графа Бориса Петровича Шереметева помечено 28 марта 1718 года, или, как его еще называли, – духовная. Этот документ хранился в домовом архиве, откуда попал в Российский государственный исторический архив и хранится среди бумаг (фонд 1088, Шереметевы). В 1875 году текст завещания был опубликован в журнале «Русский архив» графом С.Д. Шереметевым (праправнуком фельдмаршала), он много сделал для увековечения памяти о своем знаменитом предке. Этот документ показывает нам, с одной стороны, менталитет фельд-

маршала Шереметева как человека нового времени, а с другой, как человека традиционного воспитания, особенно когда дело касается основ мировоззрения.

Душеприказчиком, который должен выполнить его последнюю волю, фельдмаршал просил стать самого Петра I, апеллируя к тому, что у его предков душеприказчиками бывали цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович Романовы.

Завещание начинается с распоряжений об «устроении души», и лишь во вторую очередь в нем распределяется между наследниками нажитое состояние. Завещатель отдает распоряжение о порядке своего погребения.

«Погребсти мой грешный труп, ежели случуся близ Киева, в Печерском Киевском монастыре, вкладу дать тысячу червонных на погребение и на вынос...» Далее в завещании подробно расписано, сколько надлежит дать разным духовным особам и какие вклады сделать в другие монастыри, причем особо выделяется Тихвинский Богородицкий монастырь в селе Борисовке, основанный им самим. «Будет же волею Божию я скончаюся в чужих краях, ... тут мое тело грешное и погребсти, и никуда не возить... Ежели ж смерть меня настигнет в Москве или в ином которм месте, от Киева во отдалении, то прошу вашего царского величества повелеть тело мое грешное отвезть и погребсть в Киево-Печерском монастыре или где воля вашего царского величества состоится, только даяние в тот Печерский и другие монастыри после меня исполнить, как выше сего писано...».

Особо надо отметить распоряжение об освобождении от крепостной зависимости особо приближенных дворовых людей: «Людем крепостным и полонным всем и крестьянским детям, которые взяты во двор, даю волю и по окладам их выдать годовое жалованье». Заметим, такой была часть многих завещаний того времени.

Другой важной и неременной частью подобных документов является «благословение» иконами всех упомянутых в завещании родственников, как близких, так и дальних. Иногда икона являлась единственным завещанным имуществом: «Внучатам своим и детям Федора Володимировича Шереметева благословляю по образу» (речь идет о внуках его младшего брата Владимира Петровича Шереметева).

Основная часть завещания посвящена устройству материальных дел семьи.

Как уже говорилось, у графа Б.П. Шереметева были дети от первого брака с Евдокией Алексеевной Чириковой. Дочерей он давно выдал замуж и наделил их приданым. Графиня Софья Борисовна, в замужестве княгиня Урусова, скончалась еще в 1694 году. Другая дочь, графиня Анна Борисовна, в замужестве Головина, была к 1718 году уже вдовой, ее в завещании отец «благословлял» двумя образами и давал «цуг возников вороных с каретою черною». Еще до составления своей духовной фельдмаршал уже выделил часть имения вдове старшего сына и внуку, графу Алексею Михайловичу: «...Я... по согласию с ними, в особливый дом отделил и из движимых и недвижимых моих и графа Михаила Борисовича пожитков награждение учинено... и для того в сей моей духовной я уже ничего не упоминаю». Вдове и детям покойного сына он отдал, в частности, те земли, которые были приданым его первой супруги и матери графа Михаила Борисовича.

Главным наследником своего имущества фельдмаршал определил своего старшего сына от второго брака графа Петра Борисовича, тому на момент составления завещания исполнилось 5 лет. Ему завещались две главные родовые иконы Федоровской и Тихвинской Божией Матери, и особые реликвии, в том числе жалованное старинное серебро и полученный фельдмаршалом в 1710 году один из золотых ключей от Рижской крепости. «Его же Петра оставляю по себе наследником и отдаю ему все недвижимое, вотчины и поместье и дворы во всех провинциях, где ни обретаются». Фельдмаршал к концу жизни владел 18 вотчинами, в которых жило почти 20 тысяч душ крепостных.

Второй его сын, граф Сергей Борисович, получал несколько икон в драгоценных окладах, шпагу и второй экземпляр золотого ключа от Риги. «Да ему ж Сергею из приходных денег

с вотчин и деревень, которыми по мне владеет сын мой Петр яко наследник, давать по три тысячи рублей на год».

Дочери, графини Наталья и Вера, «награждались» образами. Четырехмесячную дочь Екатерину фельдмаршал в тексте завещания не упомянул вовсе. Движимое свое имущество он завещал разделить между всеми детьми.

«Жену свою Анну Петровну благословляю образ Пресвятыя Богородицы... греческого письма, оклад с чернью... и вручаю ей весь свой дом с вотчины и с поместья и с пожитками, и владеть ей всем и детей содержать в страсти Божии и в науке, а по смерти ея жены моей разделить детям моим как написано в сей моей духовной...»

В завещании упомянуты, строго по старшинству, три родных брата фельдмаршала с их семьями. Боярин Федор Петрович Шереметев получал икону в драгоценном окладе и лошадь, его сын Василий Федорович – «лошадь моего седла с убором и с пистолеты, узда и паперс¹ и пахви² серебряные», его жена – «образ... которым в Новгород Северском пожаловал меня царское величество, да денег пятьсот рублей», братья Василий Петрович и Владимир Петрович и их сыновья «награждались» также образом и лошадью.

Обращает на себя внимание строгая патронимичность завещания – как глава семьи, он «наградил» всю свою родню.

Такое распределение имений между детьми на первый взгляд кажется явно несправедливым. Однако надо помнить, что в марте 1714 года Петр I издал «Указ о единонаследии», обязывавший дворян передавать свое недвижимое имение в руки только одного наследника, по выбору завещателя. Такой порядок вводился с тем, чтобы дворянское землевладение не дробилось и чтобы, с другой стороны, принудить молодых дворян, не получивших отцовского имения, идти на службу. Стало быть, в момент составления завещания фельдмаршал не мог нарушить закон и поступить иначе.

В декабре 1730 года «Указ о единонаследии» отменили. Но в сознании потомков некоторых якобы «обделенных» детей графа Бориса Петровича надолго остались обида и уверенность в том, что единственный наследник фельдмаршальских имений – граф Петр Борисович Шереметев – их «обокрал». Материальные претензии, в которые были вовлечены четыре (!) поколения потомства фельдмаршала Шереметева, осложнили внутрисемейные отношения и послужили причиной тяжких и несправедливых обвинений в адрес главного его наследника. Так на примере семьи фельдмаршала Шереметева при ближайшем рассмотрении выглядит результат одного важного начинания внутренней политики Петра Великого.

Граф Борис Петрович скончался в Москве в феврале 1719 года, не дожив двух месяцев до 67 лет. Вряд ли Петр I не знал о существовании завещания и вряд ли, будучи душеприказчиком покойного, интересовался волею вдовы покойного. Им двигали высокие государственные интересы, тем более что текст завещания допускал это.

Гроб с телом фельдмаршала отправили для захоронения в Санкт-Петербург в Александро-Невский монастырь. Историк М.П. Пыляев сообщал, что «за гробом Шереметева от Москвы до Петербурга следовали пешком два полка, в продолжение шести недель». Торжественная церемония похорон состоялась 10 апреля на Лазаревском кладбище.

Другой историк Петербурга А.П. Башуцкий писал в 1834 году, что «...царь желал, чтобы прах его (Б.П. Шеремете ва. – А. К.)... покоился в той земле, которая приобретена была его трудами и на которой не раз полководец сей венчался славою...». При погребении присутствовали вдова и старшие дети.

¹ Паперс – конский нагрудник.

² Пахва – на (под) хвостник, ремень с очком от седла; в него продевается хвост лошади, что бы седло не съехало коню на шею, как нагрудник не дает ему съехать на забедры (на конский круп позади седла). Вл. Даль «Толковый словарь живого русского языка».

На надгробии фельдмаршала начертаны такие слова: «Лета от Рождества Христова 1719, февраля 10 дня, преставился в Москве раб Божий, Российских войск первый генерал-фельдмаршал тайный советник и военный кавалер Мальтийского славного чина, св. апостола Андрея и прочих орденов, граф Борис Петрович Шереметев; а тело его, по повелению царского пресветлого Величества, самодержца Всероссийского, из Москвы привезено в царствующий град С.-Петербург и погребено во Троицком Невском монастыре апреля 10 дня 1719. Сей надгробный знак возобновлен в 1791 графом Николаем Петровичем Шереметевым».

Фельдмаршал вряд ли предполагал, что здесь он найдет свое вечное упокоение. Но когда Петр I решил строить близ нового города монастырь в честь святого благоверного князя Александра Невского, то многие его сподвижники пожелали сделать пожертвования на строительство. В заведенной в 1710 году особой «сборной тетради» отмечено, что от господина шаутбенахта (то есть от самого царя) поступило 150 рублей, от Екатерины Алексеевны (супруги царя) – 100 руб лей, от адмирала Апраксина и фельдмаршала Шереметева – по 100 руб лей, и т. д.

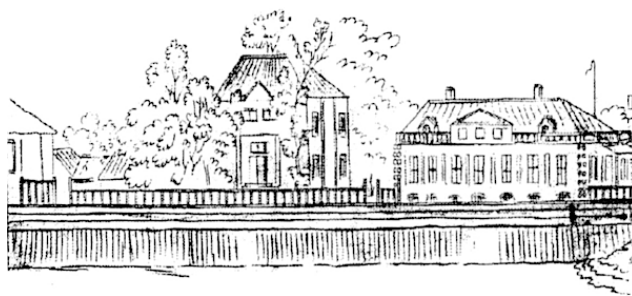
Этот монастырь был задуман как своего рода символ военной победы, ознаменовавшей возвращение в состав российского государства приневских земель, некогда защищаемых от врагов князем Александром Невским. Еще раз отвоевал эти земли у врага фельдмаршал граф Б.П. Шереметев. С первых лет существования монастыря в нем стали собираться реликвии, связанные с военными победами над шведами. Так, в деревянной церкви Благовещенья, освященной в 1713 году, находились «персона фельдмаршала Шереметева, писанная на китайке черной разными красками», его же «голова с костями, писанная на флаге из черной тафты... на древе», в церкви хранились также «персона» генерала Адама Вейде и «глава с костями» Автонома Головина. Согласно описи монастырской ризницы, составленной в 1724 – 1725 годах, вдовой фельдмаршала Анной Петровной пожертвованы были «по фельдмаршале Шереметеве» образ Спаса и образ Знамения, в ризнице хранились шпага и шпоры полководца.

Первоначально могила находилась на кладбище близ Лазаревской церкви, под открытым небом. Граф Николай Петрович, внук фельдмаршала, на свои средства перестроил и расширил кладбищенскую Лазаревскую церковь таким образом, что могила оказалась внутри нее, и постепенно вокруг нее сложился семейный некрополь. В Лазаревской церкви погребены, кроме Бориса Петровича, еще семеро его потомков.

Граф Борис Петрович Шереметев, как и все люди той эпохи, был не просто верующим, но очень набожным человеком. При жизни он особенно почитал икону Тихвинской Божией Матери, которая сопровождала его в походах.

В 1713 году он основал в своем курском имении, слободе Борисовке, Богородицкий Тихвинский женский монастырь, который на протяжении следующих столетий пользовался особым попечением его потомков.

В одном из документов родового архива, в «Записке о пожертвованиях графов Шереметевых к украшению чудотворных икон Пресвятой Богородицы», относящемся уже к середине XIX столетия, говорится так: «Благочестие рода возвышало его славу, умножало его радости, облегчало печали и удаляло скорбные случаи... После Полтавы фельдмаршал Шереметев ознаменовал благодарность свою Господу... и чудо творный образ Ея Успения в Киеве украсил жемчугами и драгоценными камнями. И Богоматерь, воздающая сторицею приносящим Ей дары, сделалась покровительницею Героя и рода его...»

«Шереметево подворье». С рисунка художника Ф. Васильева (реконструкция И.Н. Кауфман)

Но вернемся к судьбе Фонтанного дома. Граф Шереметев, как нам представляется, должен был предпринять какие-то шаги по застройке пожалованного ему участка земли на Фонтанке.

Первое известное изображение участка со строениями относится к 1719 году. В Государственном Русском музее хранится рисунок Федора Васильева «Шереметево подворье». На нем виден окруженный деревьями двухэтажный мазанковый дом под высокой кровлей, рядом с ним – хозяйственные постройки, на укрепленном берегу реки выстроены деревянные одноэтажные флигели. Напомним, что Фонтанка была в то время границей города, а дома, там построенные, считались загородными.

После смерти фельдмаршала все хозяйственные заботы легли на плечи его вдовы. Графиня Анна Петровна «фельдмаршалова», как ее часто называли в документах того времени, используя свое родство с царем, добивалась поддержки от царской семьи при решении некоторых материальных вопросов. Оказалось, что на Пибалгской мызе лежит большой долг, и она хлопотала, чтобы погасить его с помощью казны. Непростые отношения складывались у нее с родней покойного супруга, особенно с боярином Федором Петровичем: тот остался старшим в роду и, вероятно, претендовал на роль главного «дирижера» в семейных имущественных делах. В молодые годы отец выдавал ему скромное содержание, что обижало Федора Петровича, позже обида распространилась и на старшего брата, которого он считал любимцем отца и царей. До 1723 года он жил в Петербурге, потом поссорился с ближним окружением Петра I и получил разрешение переселиться в Москву. Он дважды женился, у него родился единственный сын, который скончался в 1718 году. Боярин Федор Петрович был помещиком Московского и Кашинского уездов и завещал свои имения одному из племянников – Василию Васильевичу, сыну своего младшего брата Василия Петровича.

Графиня Анна Петровна Шереметева жила с детьми то в Петербурге, то в Москве или в подмосковных усадьбах. Она была вхожа во дворец, ведь ее дочь от первого брака Анна Львовна Нарышкина приходилась двоюродной сестрой Петру I. В 1725 году они шли за гробом царя сразу после императрицы и царских детей.

Мы не знаем, жила ли она, бывая в столице, в Фонтанном доме. Историк архитектуры Б.М. Матвеев обнаружил относящийся к 1727 году документ. Это «Данная» на тот же самый участок по Фонтанке, выданная уже на имя вдовы фельдмаршала, в которой позволяет «на том дворе перестройку ветхих покоев учинить», – следовательно, дом существовал и был обитаем. Однако в 1720-х годах он еще не воспринимался как нечто особенно значимое. В 1727 году, после смерти императрицы Екатерины I, двор во главе с молодым императором Петром II переехал в Москву.

Образ жизни графа Бориса Петровича, а после его смерти вдовы «фельдмаршаловой» и их детей был устроен скорее на европейский, чем на старомосковский манер, о том свидетельствовали знавшие семейство русские и иностранцы. Особенно эта новизна ощущалась в

облике дома в Мещериново, одной из самых любимых графами Шереметевыми в XVIII веке усадеб.

Эта старинная фамильная вотчина входила в «родовую круговину» усадеб в Коломенской округе, принадлежавших роду Шереметевых с XV века, а может быть, и раньше. Мещериново перешло к фельдмаршалу после смерти отца; в начале XVIII века там имелся «барский двор, двор прикащиков, двор скотный, да слобода дворовых людей кабальных 10 дворов, людей в них 12 человек... 17 дворов крестьянских, людей 55 человек». По тем временам это было немалое имение.

На следующий год после Полтавского сражения граф Борис Петрович выстроил в Мещериново новый белокаменный двухэтажный дом. Над фронтоном парадного входа по-латыни высекли надпись: «Совершился сие здание в лето 1710-е сентября в 25 день». В 1711 году фасад дома украсила и вовсе небывалая вещь – конная статуя самого фельдмаршала.

Перед домом существовал парадный Красный двор, за домом – регулярный увеселительный сад, украшенный аллегорическими скульптурами. Появление скульптурного убранства было в то время крайне непривычно для русского человека – православная церковь запрещала объемное изображение человеческой фигуры как для убранства храмов, так и для светских целей.

Главным новшеством в объемно-пространственном и планировочном решении дома и всей усадьбы стала идея «регулярности», пронизывавшая архитектурную практику европейских стран. Убранство интерьеров также отражало те новые вкусы, которые были характерны для фельдмаршала и некоторых других русских вельмож того времени, знакомых с западной культурой и западным образом жизни. Зеркала, «парсуны» и картины, мебель, всевозможные «кюншты» – диковинки приобретались за границей. В мещериновском доме первоначально хранились трофеи Полтавского боя, подаренные царем фельдмаршалу, – чепрак и седло шведского короля Карла XII. В Рождественскую церковь села Мещериново фельдмаршал поместил полученное в дар от папы римского резное распятие в человеческий рост. Эта усадьба стала зримым символом его относительного «европеизма», но, расположенная довольно далеко от Москвы, не раздражала поклонников «старины», каких было еще много среди его современников.

В Мещериново жила вдова фельдмаршала, в этом «европейском» доме воспитывались ее дети. Старший сын фельдмаршала граф Петр Борисович, став хозяином отцовских имений, часто здесь бывал. Практически постоянно в Мещериново жил его младший брат, граф Сергей Борисович Шереметев. Дважды, в 1764 и 1775 годах, здесь побывала Екатерина II, которая совершала поездки в Коломну. Мещериновский дом, в ее глазах и сознании современников, видимо, имел мемориальный характер, напоминая о Петре Великом и об одном из его главных сподвижников. В XIX столетии дом обветшал, и его разобрали, а само имение ушло в другие руки.

Графиня Анна Петровна Шереметева скончалась в сравнительно молодом возрасте. На ее надгробии в Богоявленском монастыре было написано: «Шереметева, графиня Анна Петровна „фельдмаршалова“, скончалась 22 июля 1728 года на память св. мироносицы и равноапостольных Марии Магдалины; жила 41 год, 11 месяцев и 3 дня; день рождения на память святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны; тезоименитство 9 сентября». Кладбище Богоявленского монастыря ныне не существует.

Ее старший сын граф Петр Борисович Шереметев, москвич по воспитанию, с 1730-х годов стал петербуржцем, и при нем Фонтанный дом превратился в главную столичную резиденцию графской семьи.

Глава вторая

Граф Петр Борисович Шереметев (1713 – 1788)

Граф Петр Борисович Шереметев, второй владелец усадьбы на Фонтанке, был старшим из пятерых детей фельдмаршала от второго брака.

Он родился 26 февраля 1713 года в Малороссии, в Прилуках, на театре военных действий, поскольку молодая жена приехала туда вместе со своим супругом – фельдмаршалом. Восприемником младенца при крещении стал гетман Малороссии Иван Скоропадский, сменивший на этом посту предателя Мазепу. Факт крещения гетманом сына фельдмаршала Шереметева имел, безусловно, политический подтекст. Видимо, и имя для сына фельдмаршал выбрал не случайно. Об этом свидетельствует письмо с поздравлением по случаю рождения мальчика, полученное графом Борисом Петровичем от царя Петра, который пожаловал новорожденного чином фендрика, первого в то время офицерского чина в гвардии. Так что на службе молодой граф Петр Шереметев находился с рождения.

Мальчику было шесть лет, когда умер его отец-фельдмаршал.

Детские годы графа Петра прошли в основном в Москве и подмосковных вотчинах Мещериново и Кусково. Иногда его мать приезжала в Петербург, маленький граф Петр становился товарищем игр царевича Петра Алексеевича, внука Петра I, будущего императора Петра II, поскольку графиня Анна Петровна, по родству с царской семьей, имела свободный вход во дворец. Прусский посланник при русском дворе барон Мардефельд доносил своему правительству: «...Царевич ...знает немного по-немецки, его прилежание оплачивается весьма скудно... наставница (мамка) и ее помощница – недостойные женщины, наказывают Великого князя розгами... Царь заходил часто и интересовался его успехами в учении, на него возлагают большие надежды... товарищ его игр – двенадцатилетний граф Петр Борисович Шереметев... Царевич играл на скрипке, и Петр Борисович тоже ему подражал...»

Художник И.П. Аргунов. Граф Петр Борисович Шереметев

В 1728 году, когда юноше исполнилось пятнадцать лет, скончалась его мать, графиня Анна Петровна, и он стал главой семьи, своего «дома».

Семья была большая: младший брат граф Сергей Борисович, четыре родные сестры, племянники, единокровные сестры и племянники – потомки его отца от первого брака с Авдотьей Алексеевной Чириковой.

Старшая из сестер, графиня Наталья Борисовна (1714 – 1771), 4 апреля 1730 года вышла замуж за обер-камергера князя Ивана Долгорукого (1708 – 1739), фаворита Петра II. Семья ее мужа 14 апреля того же года была сослана по приказу новой императрицы Анны Иоанновны за попытку ограничить ее самодержавную власть.

Мужем другой сестры, графини Веры Борисовны (1716 – 1789), стал Федор (Авраам) Лопухин (1697 – 1757), впоследствии тайный советник. Этот брак связал семью графов Шереметевых с семьей первой жены Петра I, поскольку муж Веры Борисовны приходился родным племянником царице Евдокии Федоровне Лопухиной. Отец Федора Лопухина попал в опалу и был казнен по обвинению в участии в заговоре царевича Алексея. У Лопухиных родилось семеро дочерей.

Младшая из его сестер, графиня Екатерина Борисовна (1717 – 1799), стала супругой князя Алексея Васильевича Урусова (1722 – 1796). Оба они погребены в Знаменской церкви Новоспасского монастыря, в семейной усыпальнице Шереметевых.

Неизвестный художник. Графиня Наталья Борисовна Шереметева, в замужестве княгиня Долгорукая

Брат граф Сергей Борисович в 1741 году женился на княжне Фетинье Сергеевне Лобановой-Ростовской (1714 – 1777), мать которой происходила из рода Чириковых, как и первая жена фельдмаршала.

К моменту смерти матери граф Петр Борисович достиг того возраста, когда дворянские недоросли фактически вступали в службу.

Служба

Первая и главная обязанность русского дворянина – служба своему государю. С петровского времени обращалось особое внимание на то, чтобы молодые люди были обучены закону Божьему, русской грамоте, арифметике, началам географии и истории, хотя бы одному иностранному языку, «политесу» – умению вести себя в обществе, танцевать. В то время такие знания и навыки молодые дворяне получали дома, для чего родители приглашали учителей. Молодой граф Шереметев получил такое же домашнее воспитание. Как уже говорилось, обычно молодой дворянин начинал службу в возрасте пятнадцати лет. Но многие записывали своих сыновей «в службу» сразу после рождения, и эта практика бытовала вплоть до времени царствования Павла I. Ребенок рос и одновременно продвигался в чинах, и к моменту начала реальной службы молодой дворянин находился, таким образом, уже в офицерских чинах.

Еще в ноябре 1726 года Екатерина I пожаловала графу Петру Шереметеву, записанному в гвардию при рождении, чин подпоручика гвардии. В феврале 1727 года, в дни коронационных торжеств в Москве, Император Петр II, товарищ детских игр графа, удостоил его чином поручика лейб-гвардии Преображенского полка, в декабре 1729 года произвел Петра Шереметева в капитан-поручики. Императрица Анна Иоанновна в январе 1738 года пожаловала его в капитаны Преображенского полка. В то время Россия не вела военных действий, гвардейские полки находились на своих «квартирах». У нас нет никаких сведений о том, имел ли граф Шереметев какие-либо реальные служебные обязанности в полку, кроме, возможно, церемониальных.

В 1732 году императрица вернула столицу в Петербург, сюда перевели гвардию и двор. Переехал в Петербург и граф Петр Шереметев. Следующие 34 года его жизни и службы прошли в Петербурге.

Граф П.Б. Шереметев не обладал талантами своего отца и не стал полководцем или крупным государственным деятелем. Однако заслуги фельдмаршала Шереметева и знатность рода предопределяли близость молодого человека ко двору и продвижение на поприще придворной службы.

Придворная служба требовала от человека некоторых особых навыков и манеры поведения. При дворе служили люди самых знатных фамилий, обладавшие немалым состоянием. Им приходилось тратить большие средства, чтобы иметь «авантажный вид».

Историк быта русских дворян XVIII – начала XIX веков Е.П. Карнович утверждал, что если во времена царей московских вся роскошь богатых бояр обращалась главным образом на конские уборы, то в XVIII веке русские вельможи стали строить себе роскошные дворцы и щеголять роскошью в одеждах – особенно придворные кавалеры и дамы. Князь М.М. Щербатов в своем сочинении «О повреждении нравов в России» писал о костюмах первого десятилетия екатерининской эпохи: «...И в простые дни золотканые с шитьем одеяния носили и почти уже стыдились по одному борту иметь шитье...»

Придворные чины получали и временщики, такие как курляндец Бирон, становившиеся надолго или на короткое время фаворитами сменявших друг друга на троне императриц. Придворные были в курсе придворных «течений», часто принадлежали к противоборствующим «партиям» и должны были обладать особым чутьем, чтобы не сделать опрометчивого шага и не оказаться в опале. Но придворные имели больше возможностей получить новые «деревни», денежную «дачу», новый орден, составить протекцию родственникам или «нужным людям».

Придворная карьера графа Петра Шереметева продвигалась успешно. В марте 1739 года он назначается камергером ко двору брауншвейгской принцессы Анны Леопольдовны; когда Анна Леопольдовна стала правительницей при своем малолетнем сыне Иване Антоновиче, она назначила графа Шереметева действительным камергером двора. Императрица Елизавета Петровна указом от 25 января 1742 года оставила его в том же звании. В феврале этого года

в Петербург прибыл родной племянник Елизаветы Петровны принц Шлезвиг-Голштинский Карл-Петр-Ульрих, будущий император Петр III. В апреле 1742 года, в день коронации своей тетки, он пожаловал некоторых придворных голштинским орденом Св. Анны, в числе награжденных был и действительный камергер граф Шереметев. В июле 1744 года, при праздновании годовщины мира со Швецией, граф Петр Борисович стал кавалером ордена Св. Александра Невского.

В сентябре 1754 года производится в генерал-лейтенанты с сохранением ему придворного звания. В 1758 году графу Шереметеву разрешено принять и носить орден Белого Орла (польский), которым его наградила польский король. В августе 1760 года он стал полным генералом и генерал-адъютантом Ее Величества. Император Петр III в день своего восшествия на престол 25 декабря 1761 года наградила его орденом Св. апостола Андрея Первозванного и на следующий день назначил обер-камергером двора.

О том положении, которое граф Петр Борисович Шереметев занимал в царствование Екатерины II, свидетельствует хранившийся в домовом архиве документ, датированный первыми днями ее правления. Это патент на чин полного генерала и обер-камергера, в котором подтверждались пожалованные ему еще в прошлое царствование милости: «Известно и ведомо будет каждому, что граф Петр Шереметев, который генерал-поручиком и действительным камергером служил, за оказанную его к службе ревность и прилежность 1760 года августа 30 генералом полным, а с 1761 года декабря 26 числа обер-камергером пожалован. Того ради мы сим жалуем и утверждаем, повелевая всем нашим подданным, онаго графа Петра Шереметева нашим полным генералом и обер-камергером надлежащим образом признавать и почитать. Напротив чего и мы надеемся, что он в тех ему пожалованных чинах так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму рабу надлежит. Во свидетельство чего мы сие собственною нашею рукою подписали и Государственной нашею печатью укрепить повелели. Дан в Санктпетербурге августа двадцать восьмого дня 1762 года. Екатерина».

Довольно странно видеть графа П.Б. Шереметева, человека сугубо штатского и не участвовавшего ни в одной военной кампании, «полным генералом». Но во времена императрицы Елизаветы Петровны награждения в знак особой милости воинскими чинами случались нередко. Воинская служба и чины, на ней полученные, считались более почетными, чем чин службы статской или придворной.

Екатерина II при восшествии на престол 28 июня 1762 года произвела ряд важных назначений, и граф П.Б. Шереметев, в числе еще нескольких вельмож, назначается сенатором. Также ему велено сопровождать императрицу в Москву и присутствовать на ее коронации. В должности сенатора он «сочинил» важный «регламент». Императрица желала, чтобы все высшие придворные чины знали свои обязанности, для чего повелела обер-камергеру графу П.Б. Шереметеву составить особый документ, в котором следовало подробно расписать «должность и преимущества обер-камергера» и «должность придворных кавалеров». 15 августа 1762 года «регламент», представленный П.Б. Шереметевым, утвердила Екатерина.

Сенат, учрежденный Петром I, был высшим судебным органом империи, в его департаментах разрабатывались законы, сенаторы надзирали за правильностью их исполнения, ревизовали губернии. При разделении Сената на департаменты в 1764 году Петру Борисовичу «определено» служить в 4-м департаменте. Однако в должности сенатора граф Шереметев прослужил недолго. Он имел еще один шанс отличиться на ниве законотворчества. Графа Петра Шереметева избрали от Литейной и Выборгской частей Петербурга членом Уложенной комиссии, образованной по указу Екатерины II в январе 1767 года. Комиссия предназначалась для составления нового кодекса законов для империи, в духе «просвещенной монархии». Графу Шереметеву в бытность его членом этой комиссии приписывали малореальную в те времена идею отпустить своих крестьян на волю, но вряд ли это было правдой.

Позже, в годы жительствова в Москве, граф Петр Борисович тоже оставался на виду – его знали и как рачительного (и вместе с тем гуманного) помещика, и как просвещенного мецената. После проведения губернской реформы 1775 года дворянство некоторых губерний приняло первые попытки корпоративной организации, и московское дворянство в 1780 году избрало графа П.Б. Шереметева своим губернским предводителем. Так вполне успешно складывалась карьера сына знаменитого фельдмаршала, завершившаяся отставкой в 1768 году.

Фонтанный дом

Мы не знаем точно, в каком из своих домов поселился граф Петр Шереметев, когда в начале 1730-х годов он переселился из Москвы в Петербург. Ему принадлежали Приморский дом на Васильевском острове и загородный Фонтанный дом, полученные им после отца. Вероятно, за годы отсутствия хозяев оба эти дома обветшали, требовали ремонта и переделок. Васильевский остров к 1730-м годам так и не обрел статуса центра города, как это задумал Петр I, при отсутствии постоянных мостов через Неву оттуда затруднительно было добираться до Зимнего дворца.

После переезда в 1732 году императрицы Анны Иоанновны с двором из Москвы в Петербург начался новый этап застройки города. Теперь центром города становился левый берег Невы. Согласно новому Генеральному плану, в основу планировки столицы легла знаменитая трехлучевая композиция главных улиц города: Невская перспектива, Гороховая улица и Вознесенская перспектива начинались от башни Адмиралтейства и доходили до Фонтанки. Жителей столицы снова обязывали ремонтировать или строить себе дома, «по числу владеемых душ». У Аничкова моста располагалась городская застава. Исходя из реальной градостроительной ситуации 1730-х годов, представляется, что для постоянного жительства графа Петра Борисовича в то время Фонтанный дом представлялся более удобным местом.

К началу 1730-х годов на участке, как гласит старый документ из шереметевского архива, было выстроено «...по чертежу каменное и деревянное строение и для выезду к церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы на Моховую улицу... Сделаны были ворота и оставлено место против тех ворот...».

14 июня 1734 года генерал-полицмейстер Петербурга Василий Салтыков объявил графу Петру Шереметеву Высочайшее повеление «...об отводе ему в Санкт-Петербурге места на Адмиралтейском острове по берегу реки Невы, вниз от Исаакиевской церкви, для постройки каменного дома». Правда, через две недели это распоряжение было отменено, но графа Шереметева обязали достроить дом на Васильевском острове. И действительно, судя по переписке графа П.Б. Шереметева со своими служителями, он достраивал этот дом. Есть сведения о том, что фруктовый сад и огороды, бывшие на территории усадьбы на Фонтанке, в этот период, сдавались внаем купцам.

В декабре 1740 года Сенат постановил «зачесть» камергеру графу Петру Шереметеву построенный им на Московской стороне каменный дом в счет обязательной постройки им и братом его (графом Сергеем Борисовичем. – А. К.). Московской стороной называлась территория к югу от Фонтанки, поскольку отсюда, от заставы у Аничкова моста, начиналась дорога на Москву, проходившая по Невской перспективе и берегу речки Лиговки (позже – Лиговский проспект). В этом документе не сообщается точное местоположение дома, но никакого другого строения на Московской стороне, кроме дома на Фонтанке, у Шереметевых не было. Таким образом, в конце 1730-х годов хозяин озаботился строительством этого дома. Но каков был его облик – большой вопрос. Известен другой официальный документ, датированный 1741 годом, в котором сказано, что «...на Московской стороне оных Шереметевых каменного строения также нет. Построено два малые флигеля, а главное строение и прочие жилые покои деревянные...». (Чуть выше в Постановлении Сената от 1740 г. упоминается каменный дом на Московской стороне. Противоречие явное. Но так свидетельствуют документы. – А. К.)

В 1740-х годах Фонтанный дом претерпел серьезные переделки и стал звеном того «дворцового ожерелья» столицы, которое появилось в период царствования Елизаветы Петровны, к пятидесятилетию Петербурга. На берегах Фонтанки по проектам лучших зодчих того времени возникло несколько дворцово-парковых ансамблей. У самого истока реки, рядом с Летним садом Петра I, придворный зодчий Франческо Бартоломео Растрелли выстроил Летний дво-

рец Елизаветы Петровны. По его же проекту на углу Фонтанки и Невского проспекта выстроили Аничков дворец, подаренный императрицей графу Алексею Разумовскому. Чуть ниже по течению на том же берегу реки Растрелли возвел резиденции для графа Воронцова, графа Чернышева, контр-адмирала Вильбоа, князя Юсупова. В этом ряду достойное место занял и обновленный Фонтанный дом графа Петра Борисовича Шереметева.

Художник И.П. Аргунов. Княжна Варвара Алексеевна Черкасская, в замужестве графиня Шереметева

Каждый владелец участка, предпринявший большую и дорогостоящую стройку, имел к тому свои собственные причины. Для графа Шереметева таким побудительным мотивом стала его женитьба и необходимость создания в бывшей скромной загородной усадьбе достойного его положения и богатства семейного очага.

Граф Петр Борисович женился в январе 1743 года, будучи уже в зрелом возрасте. Его супругой стала княжна Варвара Алексеевна Черкасская, которая была полутора годами старше своего мужа. Княжна Варвара – единственная дочь канцлера, князя Алексея Михайловича Черкасского и его жены княгини Марии Юрьевны, урожденной княжны Трубецкой.

Князья Черкасские к середине XVIII века принадлежали к русской аристократии, но происходил этот род с Северного Кавказа, из Кабарды, и вступили в русское подданство и службу после взятия Иваном Грозным Астраханского царства. Одна из жен царя Мария Темрюковна происходила из этого рода. Роднились с ними и Романовы, еще до того, как стали царствующей династией. Шереметевы в XVII веке тоже роднились с князьями Черкасскими – так, княжна Ирина Борисовна Черкасская была второй женой боярина Федора Ивановича Шереметева, выдающегося государственного деятеля Московского государства первой половины этого века. А правнук его князь Данила Григорьевич Черкасский женился на родной сестре фельдмаршала Марье Петровне Шереметевой, родной тетке графа Петра Борисовича.

«Сговорную грамоту» – своего рода брачный договор – подписали как свидетели 38 человек: родственники и первые вельможи государства того времени. Среди них было двое Шереметевых: генерал-майор, генерал-провиантмейстер Алексей Федорович Шереметев и майор Владимир Федорович Шереметев, внуки родного брата фельдмаршала Владимира Петровича Шереметева, приходившиеся племянниками графу Петру Борисовичу.

Князь Алексей Михайлович Черкасский умер в 1742 году, его жена скончалась в 1747 году. Варвара Алексеевна осталась единственной наследницей своих родителей. После женитьбы за счет приданого и наследственных вотчин Черкасских состояние графа Петра Борисовича увеличилось почти вдвое. Именно от князей Черкасских в род графов Шереметевых перешли такие села, как Останкино и Иваново, дом на Миллионной улице в Санкт-Петербурге (Миллионный дом), обширная территория в Москве на Сухаревке (Черкасские огороды) и другие имения. После венчания графиня Варвара стала статс-дамой императрицы.

Среди потомков графа Петра Борисовича существовало мнение, что дом на Фонтанке строил сам придворный зодчий граф Растрелли, однако документального подтверждения этого факта не обнаружено, да и сам Растрелли не упоминал об этой работе в «реестре» своих построек, который он составлял в конце жизни. Возможно, граф Шереметев заказывал проект придворному зодчему, но по какой-то причине он не был исполнен.

Некий проект каменного дома графа Шереметева, относящийся к 1740-м годам, хранится в так называемой «коллекции Берхгольца» в Стокгольме. Этот иностранец, долго проживший в России, собрал немало интересных документов, относящихся к Петербургу времен императрицы Анны Иоанновны и начала царствования Елизаветы Петровны.

Документы родового архива свидетельствуют, что к созданию нового каменного дома с садом и служебными постройками был привлечен архитектор Савва Иванович Чевакинский, который также «имел смотрение» «Миллионного дома», принадлежавшего тестю Петра Борисовича князю А.М. Черкасскому (то есть дома на Миллионной улице).

В строительстве Фонтанного дома, разбивке и украшении сада принимали участие многочисленные крепостные мастера графа Шереметева. Как уже говорилось, среди его «подданных» было множество талантливых крепостных.

Чертеж фасада дома графов Шереметевых (из коллекции Берхгольца)

В первую очередь к ним относится даровитая семья Аргуновых, она дала семерых мастеров, прославившихся своими талантами на всю Россию. Аргуновы, крепостные князя А.М. Черкасского, потом графа Шереметева, происходили из села Останкино Московского уезда. Семен Михайлович Аргунов (ок. 1685 – ок. 1765) принадлежал к верхушке крепостной администрации – он служил управителем Миллионного дома князей Черкасских, затем там же управителем графа П.Б. Шереметева. Его сын Федор Семенович (1733 – после 1768), стал архитектором. Известно, что он совместно с С.И. Чевакинским работал в Фонтанном доме, а потом в Кусково, где строил Оранжерею, павильоны Грот и Бельведер в парке, кухонный флигель. После смерти отца он стал управителем Миллионного дома. Вдова его с детьми получала от графа Шереметева пенсию.

Племянник Семена Михайловича Аргунова Федор Леонтьевич (1718 – 1754) жил с семьей дяди в Петербурге, он известен как иконописец и как светский художник, учившийся у известного живописца петровского времени А.М. Матвеева.

Другой его племянник, Иван Петрович Аргунов (1729 – 1802), после смерти своего дяди и двоюродного брата также служил управителем Миллионного дома, а с 1788 года был назначен управителем московского дома и членом крепостной коллегии, в которую входили управители всех шереметевских вотчин. Однако в историю русского искусства он вошел как выдающийся художник-портретист и педагог. Им написаны множество портретов членов рода Шереметевых и их родственников. Ныне его работы украшают многие музеи нашей страны. Имея свою мастерскую, он не только мог работать сам, но обучал молодых художников. Среди его учеников кроме сыновей и трое «спавших с голоса» певчих Придворной капеллы – А.П. Лосенко, К.И. Головачевский и И.С. Саблуков, ставших со временем известными русскими художниками.

Сыновья Ивана Петровича продолжили художественные традиции семьи. Павел Иванович Аргунов (ок. 1768 – 1806) стал архитектором, работал и при перестройках Фонтанного дома, на сооружении Останкинского дворца и других возводимых Шереметевыми сооружений.

Николай Иванович Аргунов (1770 – 1828) не менее отца известен как портретист. Яков Иванович Аргунов (1784 – после 1837) также работал как портретист и график. Из этой же семьи происходил Алексей Аргунов – «урный мастер», лепщик и каменщик, создававший вазы для украшения садов и интерьеров домов.

Фонтанный дом дошел до нас не совсем в том виде, какой он получил к 1750-м годам. Процесс строительства дома и его последующих перестроек изучали многие исследователи. В 1928 году большую статью на эту тему опубликовал историк архитектуры Н.Е. Лансере, она и сейчас не потеряла своей научной и познавательной ценности. После Великой Отечественной войны, когда предстояла реставрация пострадавшего в годы блокады здания, историю дома изучал другой историк архитектуры П.Н. Петров. Он является автором исторической справки на дом как на памятник архитектуры XVIII века, написанной по заказу Государственной инспекции по охране памятников. В 1990-х годах эту же тему тщательно разрабатывал историк архитектуры Б.М. Матвеев, он написал историческую справку к проекту реставрации дворца, начавшейся в середине 1990-х годов. В процессе исследования он обнаружил немало важнейших документов, которые уточнили многие факты и открыли новые, прежде неизвестные страницы архитектурной истории Фонтанного дома. Перед началом реставрационных работ 1990-х годов проводились археологические обследования территории сада и самого дома, в результате подтвердились некоторые предположения историков и появились совершенно новые данные.

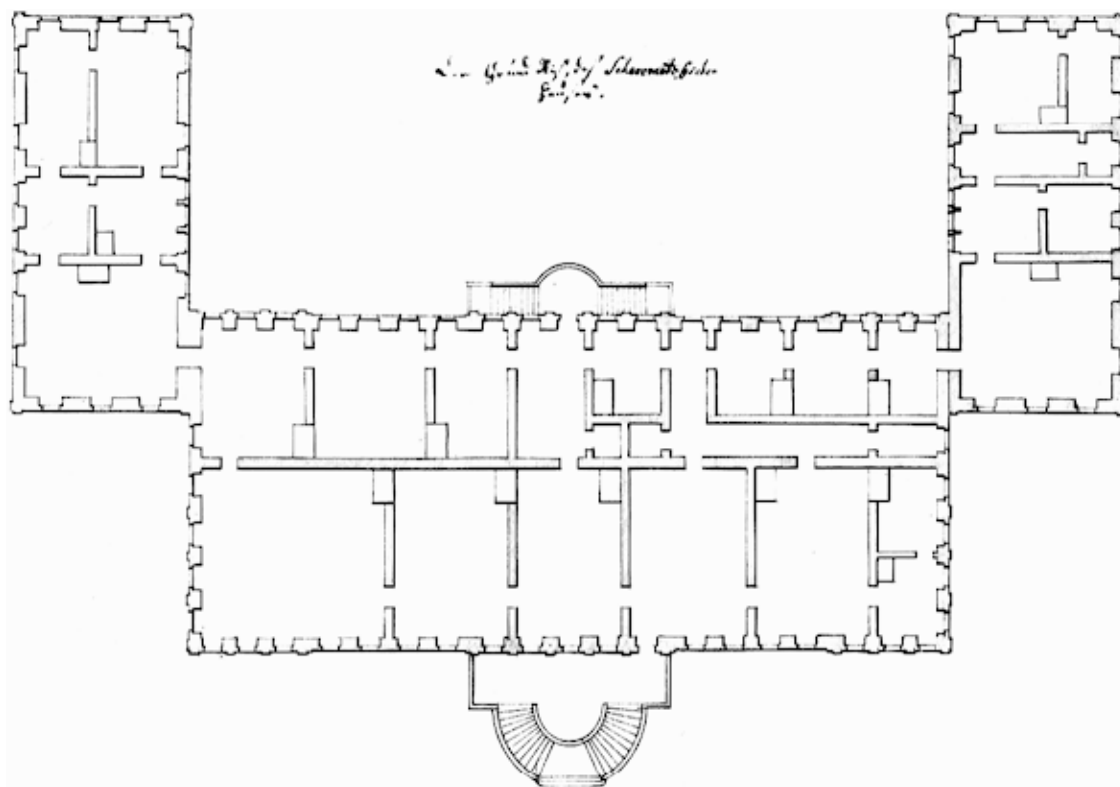
Итак, Фонтанный дом в середине XVIII века представлял собой каменное двухэтажное здание с мезонином. Центр дома обозначал выступающий вперед ризалит, два боковых флигеля выходили в сад. В целом получилась типичная П-образная объемно-пространственная композиция, характерная для усадебного строительства.

Центральная, наиболее старая часть здания сохранилась до нашего времени. Каменную набережную по Фонтанке в 1750-х годах еще не построили, между рекой и домом существовала ограда, за которой со временем оформился парадный двор. За домом разбили регулярный сад, выходивший к Литейной улице. Сад в сильно урезанном виде существует и в наши дни.

Если объемно-пространственная композиция дома в целом сохранилась, то фасад Фонтанного дома имел другой вид, нежели сегодня, он был декорирован более пышно, в стиле елизаветинского барокко.

Дом имел два входа: с Фонтанки и из сада. В центре фасада, обращенного к реке, располагался в виде аркады выступающий центральный подъезд. Простенки между арками украшали сдвоенные колонны. К входным дверям вели пологие пандусы, украшенные каменными изваяниями сфинксов. Эти сфинксы находились в парадном дворе Фонтанного дома еще в 1920-годах. В центре садового фасада имелся балкон, к которому вели деревянные лестницы – по ним можно было подняться в дом прямо из сада. При входе на лестницу стояли вызолоченные деревянные скульптуры лошадей работы придворного мастера Иоганна Дункера. Во фронтоне помещался герб рода графов Шереметевых. Возможно, герб был сделан и позже, поскольку официально русские дворянские гербы утверждались императором Павлом I. На карнизах здания были установлены деревянные скульптуры. О первоначальном виде дома свидетельствуют чертежи обоих фасадов конца XVIII столетия, зафиксировавшие его облик перед перестройкой, предпринятой следующим владельцем Фонтанного дома.

О том, какую планировку имел дом, мы узнали из чертежа, обнаруженного сравнительно недавно в фондах Останкинского дворца-музея. Этот чертеж зафиксировал планировку главного второго этажа Фонтанного дома накануне перестройки в конце XVIII – начале XIX веков.

План второго этажа Фонтанного дома (середина XVIII в.)

Деревянная Парадная лестница находилась в центре здания. Парадная анфилада состояла из восьми комнат, обращенных окнами в сад: «Плиточная» комната; Красная гостиная, или Предплиточная; Картинная; Конторка; Проходная; «Прихожая, обитая кожей»; Малиновая, или Предспальня, и Парадная спальня. Со стороны Фонтанки в ризалите находились еще несколько комнат: к северу от Парадной лестницы – Прихожая Зеленая палата, или Первый номер; Второй номер и большая угловая комната с девятью окнами – Галерея. По другую сторону Парадной лестницы находилась Наугольная и еще одна Малиновая комната со стенами, обтянутыми штофом. В северном флигеле существовали Танцевальный зал (позднее названный Старой залой), Столовая, Буфетная и Бильярдная. Из названия некоторых помещений легко догадаться, какие декоративные приемы и материалы использовал архитектор. Образцом служило, безусловно, убранство императорских дворцов.

В доме находилось множество произведений искусства, причем один из залов так и назывался Картинным. Покупка картин чаще всего поручалась Ивану Петровичу Аргунову, о чем свидетельствуют сохранившиеся в домовом архиве распоряжения графа Петра Борисовича.

В южном флигеле Фонтанного дома находилась домовая церковь Святой великомученицы Варвары. Личные покои хозяев располагались рядом с церковью.

На первом этаже дома находились Кунсткамера, где были собраны разного рода диковинные вещи, и Ригскамера – комната для хранения коллекции оружия.

Жилые помещения располагались в мезонине и частично на первом этаже. За домом находился регулярный сад, главная аллея которого, со шпалерами красиво подстриженных деревьев, вела к воротам на Литейную улицу.

В саду в ту пору существовало несколько павильонов: Грот, Китайская беседка, Эрмитаж. В саду были устроены фонтаны, установлены мраморные скульптуры. Сад являлся миниатюрной копией парков императорских резиденций, созданных придворным зодчим Растрелли.

Строительство нового каменного дома завершилось в основном к 1750 году. Осенью 1750 года с разрешения духовных властей в Фонтанный дом перенесли антиминс из домового храма.

Святой великомученицы Варвары, существовавшей в Миллионном доме князей Черкасских с 1739 года. В этой церкви уже в Фонтанном доме 1 июля 1751 года крестили новорожденного сына владельцев – графа Николая Петровича Шереметева. Собственно, факт крещения новорожденного в домовый церкви и дает нам основание считать, что строительство и отделка дома к этому времени завершились, и он стал основным местом жительства семьи.

В начале 1760-х годов в доме графа Шереметева устраивались пышные пиры, маскарады и ставились любительские спектакли.

В зимний сезон 1765 года, когда старшая дочь была уже «на выданье», отец неоднократно устраивал «на нарочито сделанном театре» спектакли, где игрались переведенные с французского языка пьесы, причем роли исполняли актеры-любители – графы Шереметевы, графы Строгановы, графы Чернышевы, князья Хованские и Белосельские-Белозерские. Один из спектаклей посетила Екатерина II.

В «Записках» Порошина, воспитателя великого князя Павла Петровича, читаем от 1 февраля 1765 года: «...У графа Петра Борисовича Шереметева было сего дня ввечеру представлена в доме комедия, на которой Его Высочество по оной причине (болезни. – А. К.) быть не изволил. Ея Величество изволила тут присутствовать...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.